

Вяч. Шишковъ.

ЗОЛОТАЯ БѢДА.

Разказъ.

ВРА. ШИШКОВЪ.

ЗОЛОТАЯ ВЪДА.

ПАСКАЗЪ.

Еще октябрь не изошелъ, а Якутскій край весь забросало снѣгомъ. Вѣчно мерзлая, лишь на аршинъ оттаивающая лѣтомъ почва вновь превратилась въ камень. Лену сковаль морозъ, и по ея бѣлой глади стегнула вихлястая дорога. Изъ улуса въ улусъ, съ берега на берегъ, пролегли тропинки, и вдоль ихъ выросли зеленяя вѣхи-елочки.

Вчера солнце встало „въ рукавицахъ“, а къ ночи ударилъ морозъ съ дымомъ.

Но якутъ Николка мороза не боится. Что ему морозъ? Хе-хе... Въ морозъ человекъ крѣпче дѣлается, ноги прытче, дороги короче. Лѣтомъ, когда еще дошагаешь до торговаго села, гдѣ живутъ русскіе, гдѣ есть церковь, лавки, вино и всякая благодать. Идешь лѣниво, въ перевалку, ручеекъ встрѣтится—присядешь, воды хлебнешь; знакомый встрѣтится—трубкой обмѣняешься, все перетолкуешь. А начнетъ зной томить, огрузнетъ голова,—выберешь мѣсто попрохладнѣй, гдѣ нибудь подъ кедромъ, у ключа, чтобы вѣтромъ легкимъ охватывало, разложишь отъ комаровъ курево, ляжешь въ тѣнь, да и... того...

Вотъ зимой другое дѣло. Хо! Зимой ноги сами мчатъ. Имъ только глазомъ моргни—куда,—только умомъ тряхни, а тамъ онѣ уже свое возьмутъ. Прытко-прытко, гдѣ шагомъ, гдѣ скокомъ, только елочки мелькають, летитъ, бывало, Николка, загребая снѣгъ кривыми своими, какъ дуга, ногами. Зимой знай носъ береги: натри медвѣжьимъ саломъ, да шибко то не выставляй, не то морозъ, словно кошка когтемъ, шибанетъ по самому кончику, носъ сразу бѣлымъ станетъ, а какъ придешь въ тепло—клюква на носу выскочитъ.

Николка сидитъ возлѣ своего чума на здоровомъ пнищѣ, щуритъ раскосые глаза на красное, въ рукавицахъ, солнце и сладко позѣвываетъ. А въ головѣ его бродятъ думы о томъ, какъ

бы хорошо вяленаго языка оленьяго отвѣдать, да нельмовыхъ пупковъ жирнущихъ всласть поѣсть, да взять бы жирный-жирный кусъ говядины, да лепешекъ ячныхъ, чтобы въ маслѣ жмыхали, да строганины изъ мерзлыхъ стерлядей. Обожраться-бы до нельзя, а сверху все прикрыть крѣпкимъ кумысомъ.

— Якши, якши, — улыбнулся Николка и, сглонувъ слону, зажмурился. Въ носу у него защекотало пріятнымъ сытымъ духомъ. Онъ сладко помолсаль безусыми губами, прищелкнулъ, смакуя языкомъ, и сплюнуль.

— Самое сладко... Бороги Богъ, какъ сладко... — сказалъ Николка и отъ широкой улыбки его глаза исчезли, а на мѣстѣ ихъ прошли отъ носа двѣ узенькія щелки съ пучкомъ веселыхъ морщинъ.

Эхъ, не надо бы Николкѣ глаза открывать. Открыль — все пропало, сытый духъ кончился, а кривыя тонкія ноги вдругъ выступили изъ подъ выгертой оленьей парки. Взглянулъ Николка на свою нищенскую одежду — вздохнулъ; взглянулъ на свою дырявую юрту, — вздохнулъ поглубже. Перевель взглядъ на дорогу: прытко-прытко, гдѣ шагомъ, гдѣ скокомъ, только елочки мелькають, движется его отецъ, старый якутъ Василий, такой старый, что ужъ... а все еще въ себѣ духъ крѣпкій держитъ.

— Какъ не держать... знамо держать... Ишь, бѣжить... — прошепталъ Николка и, задышавъ, сердито сорвался съ мѣста и скрылся въ чащу.

Вѣдь Николкѣ сорокъ два года, говорягъ, стукнуло. А кто онъ, ну, кто онъ такой?... Человѣкъ онъ или такъ себѣ, вродѣ дикаго оленя. Онъ такъ бѣдень, такъ бѣдень что ни одна дѣвка за него не пойдетъ, ни одна вдова порядочная на него не взглянетъ... А у отца... ху-ху... деньжищъ, что желтыхъ листьевъ осенью. А оленей, а коровъ?.. Но крѣпокъ, старая лиса, ужимистъ: продасть сотни двѣ головъ, наострить лыжи въ лѣсъ, въ тайгу, отыщеть потайное мѣсто, къ кучѣ золота еще пригоршни прибавить.

А дома чѣмъ батька его кормить? Пошто такое у Николки ребра вылѣзли, какъ у зачумѣлой собаки? Пошто Николкину мать безо времени на погостѣ закопали? Пошто такое Николкина сестра въ чужихъ людяхъ горе мыкаетъ?

— Старая лиса... Шайтань... — шипить, притаившись въ чащѣ, Николка, шаря жадными глазами по фигурѣ отца: поди, вина у русскихъ добыль, бѣшеной воды. Поди, всю ночь вкусно жрать будетъ и запивать виномъ. Ну, да ладно... Николка знаетъ что надо дѣлать... Николка тоже не маленькій, не останется въ долгу...

Сегодня же ночью онъ заколетъ жирнаго оленя. Шкуру на вино вымѣняетъ, оленя въ трущобу затащить, костерь разложить и будетъ цѣлую недѣлю пировать. Мало будетъ — еще заколетъ, мало будетъ — еще. До тѣхъ поръ будетъ пить Николка теплую оленью кровь, ѣсть прожареное на желѣзной палкѣ мясо, пока животь его не вздуется, пока не покраснѣютъ щеки, какъ у попа Степки носъ.

Николкѣ вдругъ необычайно захотѣлось ѣсть. Надо пойти въ юрту — навѣрное, отецъ пьетъ тамъ вино. А когда онъ пьетъ вино, о-о... тогда можетъ быть, бараній бокъ дать...

— Ты всегда одинъ пьешь вино... Ты долженъ меня угостить, я твои стада пасу... И я твой сынъ...

— Псс... — презрительно посвисталь сквозь зубы старикъ и проглотилъ добрую чепурышку вина... — Когда Николка станеть умнымъ, онъ будетъ богатый... Когда Николка будетъ богатый, онъ сможетъ пить сколько влѣзеть...

Николка опустился на земляной полъ между пылающимъ камелькомъ и дверью, ведущей въ огромный хлѣвъ. Дверь была открыта. Изъ хлѣва несло навозомъ и парнымъ молокомъ.

— Николка тогда будетъ богатымъ, — чуть дрожа сказалъ онъ, — когда укараулить, гдѣ его отецъ прячетъ золото.

— Дуракъ, — сердито сказалъ старикъ и, здравъ вверху скуластое лицо, забулькалъ изъ бутылки. — Самый дуракъ...

— Можетъ быть и дуракъ... Но не дурашнѣй сына моего дѣдушки, — съязвилъ Николка, косясь на вытянутую журавлиную шею отца, по которой прыгаль синій, въ пупырышкахъ кадыкъ.

Николка, глотая слюни, хотѣлъ еще кольнуть отца какимънибудь обиднымъ слозомъ, и ужъ рогъ раскрылъ, да въ это время короза прсунула изъ хлѣва голову и лизнула Николку по лицу.

— Ксы! — крикнулъ онъ и утерся рукавомъ.

Отец закатился дробнымъ смѣхомъ и, протирая кулаками глаза засюсюкалъ:

— Очень хорошо умыла тебя корова... Хе-хе-хе...

— Хе-хе...—зло отвѣтилъ Николка.—Ты хорошо выпилъ, я хорошо закусилъ коровимъ языкомъ... Псс...

Старикъ опять захохоталъ, потрепалъ по плечу усѣвшагося рядомъ Николку и досталъ изъ сундука четверть.

Николка жадно проглотилъ поданную ему чепурышку водки почемкалъ губами.

— Самое слядко,—сказалъ онъ по русски и, хрустнувъ желѣзными челюстями, проглотилъ въ два приѣма порядочной величины рыбу. Отецъ еще угостилъ его.

Николка скоро охмелѣлъ. Онъ то хототалъ и затягивалъ пѣсню, то жаловался на свою судьбу и горько плакалъ пьяными слезами.

Кто я? Корова-ли, олень-ли? Пастухъ я твой...

Старикъ, протяжно рыгнувъ, покрутилъ пальцемъ возлѣ своего лба и сказалъ:

— Вотъ здѣсь у тебя ослабло... А то я тебѣ сказалъ бы... Хе-хе-хе.

— Чего толковать-то... Ты богачъ, Василь Иванычъ... Я бѣднякъ, Николка... Чего зря болтать... Вотъ скажи, гдѣ твое золото?

— Стану подыхать—скажу...

— Когда ты подохнешь?.. Не скоро еще ты подохнешь... Надо правду говорить... Чего толковать-то... Кабы не съѣлъ твоей души шайтанъ, тогда бы...

— Ну?—вплотную придвинулся къ нему старикъ и хрипло задышалъ.

— Ты золото одинъ жрешь... Смотри—лопнешь... Надо правду толковать... Далъ бы хоть... мало-мало... Чего тамъ... Околѣешь—неужто съ собой возьмешь.

— Не возьму... И тебѣ не дамъ...

— Тьфу!—плюнулъ Николка.

— Тьфу!—плюнулъ старикъ.

Потомъ, подобравъ свои жирные губы и досадливо сморщившись, старикъ сказалъ:

— Хорошо, когда золото есть... Лучше, когда нѣту... Брось. Не проси, не надо...

— Пошто толкуешь... Худо толкуешь... Надо!—крикнулъ Николка и ударилъ кулакомъ по туюсу съ масломъ.

— Эхъ, Николка... Большой ты дуракъ, Николка... Пропадешь съ нимъ, Николка...

— Я и такъ пропалъ... Чего тамъ... Ты погляди... съ тебя сало топится... я худой, какъ вяленый коровій хвостъ... У тебя шуба, какъ домъ... а у меня что?.. А?—Николка скривилъ ротъ и всхлипнулъ.

— Дай, тебѣ говорятъ, золота... Гдѣ прячешь?.. Дай пожалуйста —сталъ просить Николка тонкимъ женскимъ голосомъ.

— Кабы у тебя былъ тоньше лобъ, мои слова влетали бы въ твою голову, какъ въ улей пчелы...

... Водка мало по малу убывала. Отецъ и сынъ говорили теперь оба вразъ, и ихъ пьяный говоръ переходилъ порой въ пронзительный безтолковый крикъ. Они то крестили большимъ крестомъ вокругъ себя, чтобъ прогнать сновавшихъ тутъ шайтановъ и свирѣпо плевали на нихъ, попадая другъ другу въ лицо. То вдругъ вскакивали, схватывались за руки и, пристукивая подгибавшимися ногами, топтались у костра и гнусаво выкрикивали:

— Ёхор-ёхор-ёхор-ёхор....

Но, утомленные, вновь опускались на землю и тяжело пыхтѣли, отирая потъ.

Ужъ огонь въ камелькѣ потухать сталъ, якуты пьютъ. Угли чахнуть начали—пьютъ. Посѣдѣлъ костеръ отъ пепла, вѣтеръ чумъ выстудилъ, кончили якуты пить. Какъ сидѣли, сложивъ ноги калачикомъ, такъ и повалились на бокъ и, соткнувшись головами, храпѣли такъ громко, что два барана, а за ними стадо овецъ, сгрудились у двери и съ недоумѣннымъ любопытствомъ пялили на хозяевъ свои желтые глаза.

Долго спали отецъ съ сыномъ. Коровій ревъ и овечье бляніе не могли прервать ихъ сонъ. Не слыхаль Николка, пастухъ отцовскихъ стадъ, какъ баранъ бодаль его съ наскокомъ въ спину, не слыхаль, какъ пролѣзшія въ чумъ коровы одурѣло мычали надъ нимъ, прося корму и поила. Разбудилъ Николку стонъ отца. Страшно, дико стоналъ отецъ, и его стонъ переходилъ въ вой.

Николка вскочилъ, отпихнулъ прочь пустую четверть. крикнулъ:

— Ты чего?!. Старикь!!

— Вина... скорѣй бѣги...

Николка подхватилъ два покотившихся золотыхъ, выскочилъ на улицу и заработалъ ногами къ селу.

Когда Николка прибѣжалъ назадъ—отецъ былъ мертвъ.

У Николки поднялись дыбомъ волосы, зарябило въ глазахъ, и онъ выстукивая зубами, опроретью кинулся изъ чума.

Прытко-прытко, только елки мелькаютъ, побѣжалъ опять въ село, со страхомъ озираясь—не гонится ли вслѣдъ ему мертвецъ.

II.

Вотъ ужъ два года прошло, какъ схоронилъ Николка отца.

Живетъ онъ на краю села, въ большомъ пятистѣнномъ своемъ, подъ желѣзомъ домѣ. Въ одной половинѣ—торговая лавка, въ другой—онъ съ сестрой. Торговлю ведетъ сестра, а Николка все время ѣздитъ по улусамъ, высматриваетъ себѣ хорошую бабу и часто запиваетъ горькую.

Жиру въ немъ прибавилось, походка измѣнилась, сѣрое лицо посвѣжѣло и стало лосниться.

Хорошая пошла у Николки жизнь. Тряхни кошельемъ—что захочешь—и на тебѣ... Тряхни кошельемъ, звякни золотомъ—любая дѣвка тутъ какъ тутъ!

Николка во вкусъ вошелъ. Шуба у него лисья, доха оленья. Пальцы въ золотыхъ перстняхъ, часы съ музыкой.

Счастливый якутъ Николка. Видно, когда онъ родился—медвѣдь въ берлогѣ рывкнулъ. Да какъ же не счастливый?

Когда кончится у Николки серебро да золото, пойдетъ онъ потайнымъ позднимъ вечеромъ самъ другъ съ лопатой, разыщетъ тайную заповѣдную сосну кудластую, колупнетъ разъ-другой—ему и будетъ. Впрочемъ, не всякій то разъ можно отмыкать заповѣдный отцовскій кладъ; какъ бурундукъ, какъ бѣлка запасаетъ себѣ на зиму въ дупло орѣховъ, такъ Николка запасался деньгами съ осени, когда густой листопадъ надежно покрываетъ землю. А то... с-о-о... Людской глазъ зорокъ. Только оплошай, только покажи слѣдъ—загребущая человѣчья лапа живо опорознить.

А ежели пустить богачъ Николка середь зимы всѣ деньги на вѣтеръ—метели дожидается. Хорошо мететь метель, хорошо

тащить да приколачиваетъ гвоздями къ небу. Должно быть давно работаетъ, вонъ какую протянулъ дорогу поперекъ всего неба, а пустого мѣста все еще много! Но великій праведный Тайонъ каждую ночь трудится. Когда перетаскаетъ все золото, на землѣ не останется грѣха, не будетъ обиды ни человѣку, ни звѣрю, ни дереву...

— Такъ, такъ... Хорошо ты надумалъ, Богъ-батюшка... — сказала одобрительно Николка и добавилъ:

— Ты — молодець.

Вотъ только шайтанъ мѣшаетъ: взлетитъ ввысь лѣшевой гагарой, долбанетъ носомъ въ золотую звѣзду, покатится по небу червонецъ да разъ богачу въ карманъ!.. Плохо...

— Ахъ ты, бѣда! — причмокивая, досадливо шепчетъ якутъ Николка. — Не надо-бы Богу дремать... не надо-бы...

Онъ быстро всталъ, сбросилъ шапку, приставилъ ладони лудкой ко рту и, запрокинувъ голову, громко крикнулъ:

— А ты старайся пуцел!.. Я тебѣ буду подсоблять... Ты знай приколачивай!

Николка круто повернулъ и зашагалъ на огонекъ къ селу.

— Дай, другъ, ломъ да лопату.

— На что тебѣ?

— Пожалуйста, давай... Шибко нужно... Пожалуйста, давай..

— Да ты когда явился то?

— Вчера явился... Завтра явился... Дѣлай милость, давай...

Медленно, надсадисто, пробирался Николка къ заповѣдной кудластой своей соснѣ.

Дорогой попались ему двое: на саняхъ, да верхомъ, въ церковь, къ празднику спѣшили.

— Здорово! Куда?—спросили его.

— Туда... Прощай... — проговорилъ Николка и свернулъ съ дороги въ сугробъ.

Долго онъ бился у сосны надъ сыпучимъ глубокимъ снѣгомъ, еще дольше надъ промерзшей землей и, наконецъ, вытащилъ кожаную суму съ деньгами. Руки его онѣмѣли отъ холода. Онъ бросилъ въ снѣгъ суму и сталъ разжигать костеръ. Отогрѣвая руки, онъ зло на нее косился. Потомъ выхватилъ отточенный

съ чернемъ изъ мамонтовой кости ножъ и скакнулъ къ сумѣ съ звѣриной яростью, какъ къ попавшемуся на ѡвчарнѣ волку.

— У, шайтанъ!—взвизгнулъ Николка и садануль по ременимъ шнурамъ ножомъ.

— Шайтанъ... Самый шайтанъ... — подхватываль онъ трясущимися пригорцнями золото и вновь всыпаль въ суму.

Золото, звеня и переливаясь въ лучахъ костра, смѣялось надъ Николкой, дразнило его слухъ, будоражило душу и опаляло ее огненнымъ дождемъ.

— Врешь, шайтанъ... Врешь...—сверкая глазами и стискивая зубы, шипѣль Николка.—Ты шайтанъ, прямой шайтанъ... Ну-ка... Пойдемъ-ка... Ты—бѣда!..

Онъ взялъ подъ пазуху суму и, перегнувшись, потащилъ къ рѣкѣ.

Въ глазахъ у него все задрожало, закачалось, предъ ногами кто то бросаль горстями червонцы, а вслѣдъ ему летѣль дикій хохоть и брякали шаркунцы съ бубенцами, будто сзади исправникъ на тройкѣ мчался.

— Врешь, шайтанъ!—знаю... — озираясь страшными глазами громко кричалъ якутъ, чтобъ прогнать вставшую со всѣхъ сторонъ нечисть.

— Стой, Николка!—скомандоваль онъ самъ себѣ и остановился у проруби.

— Бросай, Николка!

Онъ приподнялъ грузную суму, поустойчивѣ укрѣпился и раскачавъ ее, швырнулъ въ прорубь.

Словно недовольная внезапно прерваннымъ сномъ, вода испуганно ухнула и заплескалась. И вмѣстѣ съ ней всколыхнулись, задрожали, заструились змѣйками, отражаясь въ водѣ, звѣзды.

И не вода это ухнула, не звѣзды заиграли въ ней: черные шайтаны подняли возню у проруби, блеснули во тьмѣ чьи то горящіе глаза, завыли, затыкали волки, свистъ пошелъ надъ рѣчной пустыней.

Якутъ подался въ страхъ назадъ, сорваль съ голозы шапку и, павъ на снѣгъ, неистово заголосилъ:

— Богъ Никола, заступайся!.. Эй, Никола матушка, подсобляй!..

И вдругъ все смолкло. Якутъ всталъ, глубоко вздохнулъ и

часто-часто закрестился, читая вслух дрожащимъ срывающимся голосомъ одному ему вѣдомую молитву.

Оглядѣлся кругомъ. Тишина была и темень. Посмотрѣлъ на прорубь: вода дремала. Николка хихикнулъ. Сдѣлавъ строгое лицо и заложивъ руки назадъ, онъ важно, въ перевалку, подошелъ къ проруби и съ ненавистью плюнулъ въ воду.

Потомъ прищурился на небо, провелъ взоромъ по золотопыльному звѣздному пути и, громко ткнувъ въ грудь пальцемъ, сказалъ:

— Я — тоже молодець.

На другой день былъ праздникъ. Якутъ Николка весело похаживаль по селу. Какъ ни соблазняли его крестьяне по праздничному дѣлу выпивкой, ничего не вышло:

— Шабашъ!.. Кончалъ... Все кончалъ, — улыбаясь говорилъ Николка. — Золотой бѣда бросаль... Много-много бѣда съ земля уѣхаль... Борони Богъ... Совсѣмъ кончалъ!

Ничего не поняли крестьяне. А какъ пришелъ въ гости къ батюшкѣ, тотъ понялъ, сталъ упрекать его.

— Ты бы, Никола Васильчъ, бѣднымъ могъ раздать. Да мало ли добра можно было сдѣлать... Не одобряю... Дубина ты! Чурбанъ!

— Ахъ, попъ Степка, — отецъ Степанъ-священникъ, — отвѣтилъ якутъ. — Чего ты смыслишь?.. Ты, бачька, ничего не смыслишь... Вѣдь золото — бѣда, прямой бѣда... Деньги — бѣда, прямой бѣда... Пошто бѣда раздавать? Кончатъ нада... крошить нада... Золото пропалить — весь бѣда съ земля уѣдетъ... во!

— Въ тюрьму тебя опять... Орда чертова! Говори, куда дѣль?!

— Псс... Ахъ, бачька... худой твой башка...

Петроградъ 1916 г.